

УДК 801.81'272

ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО — ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

© 2011 г.

В.Г. Маслов

Шуйский государственный педагогический университет

vgmas@mail.ru

Поступила в редакцию 6.04.2011

Анализируются проблемы языкового строительства в СССР в послеоктябрьский период, в России после распада Советского Союза, в странах СНГ.

Ключевые слова: лингвокультурологическое пространство, двуязычие, многоязычие, миноритарный, этнократический, евразийство.

Язык обеспечивает первоначальный взгляд на мир, образует тот языковой образ мира и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера. Человек становится человеком, когда он с детства усваивает язык и вместе с ним культуру своего народа, так как все тонкости культуры народа отражаются в его языке. Известно, что большая часть информации о мире приходит к человеку по лингвистическому каналу, через слово. Успех человека зависит от того, насколько хорошо он владеет словом.

Говорить о культуре русской речи, о её ценности и весомости, не касаясь вопроса языкового строительства, языковой политики в нашей стране, наверное, неправильно и непродуктивно: ведь культура речи не вырастает из ничего, об этом “ничего” хотя бы какие-то сведения следует иметь. Культура русской речи складывалась из многовековых традиций общения русских с многочисленными соседями, большими и малыми, которые, не осознавая, привносили определённый колорит в русскую речь, в русский язык. Проанализируем кратко, в самом общем виде, как осуществлялось наше языковое строительство.

В декабре 1991 г. не стало СССР. На картах мира появилось пятнадцать новых государств. Для этих государств начался так называемый постсоветский период развития. Много ещё не определено, будущее большинства новых государств весьма туманно. Однако некоторые предварительные итоги подводить уже можно, в том числе и в языковой области.

Языковой вопрос в России не является столь острым, как в странах СНГ. В целом это действительно так, но в ряде районов возможны весьма

острые конфликты. В отличие от других новых государств, в России при коренном изменении общественного строя национально-языковая ситуация осталась той же, что была в СССР. Как и в СССР, здесь преобладающий этнос — русские, и единственный язык, способный обеспечить потребность взаимопонимания в масштабах государства — русский язык. Если и есть какие-то различия, то лишь в сторону повышения функциональной роли русского языка. Нерусское население составляет здесь не около половины всех жителей, как было в СССР, а примерно 18,5% (данные по РСФСР 1989 г.). Реально процент нерусского населения ещё ниже.

Поэтому при любой власти, любой государственной политике роль русского языка не может здесь существенно понизиться по сравнению с советским временем. Снижение может произойти на какой-то части российской территории лишь при новой перестройке границ. Кроме того, наиболее развитые и устойчиво функционировавшие языки народов СССР вроде грузинского, армянского, эстонского оказались в основном вне территории России, а большинство языков российских меньшинств к 1991 г. не достигали до уровня региональных. Трудно представить ситуацию, в которой татарин с осетином или даже с марийцем общался бы на каком-нибудь языке, кроме русского. А общаться в едином государстве им приходится.

Тем не менее, процессы, начавшиеся в годы перестройки, продолжались и после распада СССР. Во многих регионах принимаются меры по расширению функций языков меньшинств, по повышению их формального и фактического статуса. Процессы эти весьма неравномерны, и

зачастую декларации лидеров национальной интеллигенции не соответствуют реальным изменениям.

В самом начале рассматриваемого периода, 25 октября 1991 г. Б.Н. Ельцин подписал “Закон о языках народов РСФСР”, в тот же день ещё существовавший Верховный Совет РСФСР принял постановление о введении в действие данного закона и “Декларации о языках народов России”. Закон продолжает действовать до сих пор. Отметим, что в заключённом несколько позже Федеративном договоре о языковых проблемах не сказано ни разу и даже не оговорено, в чём ведении они находятся. *То ли они причисляются к туманно упомянутым «общим вопросам образования, культуры», находящимся в совместном ведении центра и местных органов, то ли они целиком отдаются местным властям.*

В целом Закон о языках более или менее объективно отразил реальную языковую ситуацию в стране. Во вводной части сказано: *«На территории Российской Федерации с её многонациональным населением традиционно сложившейся нормой языкового сосуществования является двуязычие и многоязычие... Государство на всей территории РСФСР способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия».* Закон в ст. 3 закрепил русский язык в качестве государственного на всей территории России; статус же прочих языков оставлен на усмотрение республик в составе Российской Федерации, которые имеют право объявлять государственными те или иные языки, кроме русского (здесь закон легализовал ситуацию, уже явочным путём сложившуюся в ряде республик). В законе закреплены сферы, в которых обязательно использование русского языка: работа высших законодательных органов страны, подготовка проектов законов, официальное делопроизводство на всероссийском уровне, официальная переписка между республиками в составе России, судопроизводство в Верховном, Конституционном и других общероссийских судах, передачи всероссийского телевидения и радиовещания; деятельность зарубежных представительств (наряду с иностранными языками). При этом представляется право любого гражданина независимо от знания им русского языка обращаться в любой государственный орган и выступать в нём на своём языке с предоставлением переводчика; ответы на любой запрос в государственные органы должны даваться на том языке, на котором запрос сделан (введение в действие пунктов о предоставлении переводчиков и об ответах на запросы было в зависимости от типов ситуаций

отсрочено до 1992–1995 гг. В статье 9 законодательно закреплено существовавшее с 1958 г. право выбора родителями языка обучения для своих детей. Особо закреплены права малых языков.

На центральном уровне данные статьи закона остались на бумаге. Во всяком случае ни в эпоху Верховного Совета РФ, ни в эпоху Думы и Совета Федерации нам не известен ни один прецедент выступления депутата не на русском языке с приглашением переводчика, хотя такая возможность гарантируется статьёй 11 Закона. Естественно, мы не выступаем за отмену таких гарантий, но ясно, что стопроцентное их осуществление абсолютно нереально. В действительности они мало нужны.

В большинстве принятых законов провозглашаются два государственных языка: язык титульного народа и русский. Приведём в качестве примера принятый ещё 30 января 1991 г. закон о «Языках в Калмыцкой ССР – Хальмг Танч», текст его опубликован в сборнике [4, с. 66–74]. Статья 3 закона определяет: “Государственными языками Калмыцкой ССР – Хальмг Танч являются калмыцкий и русский языки. Русский язык в Калмыцкой ССР – Хальмг Танч используется как средство межнационального общения”. В каждой сфере допускается использование обоих языков за исключением сфер, где должен употребляться лишь русский. Это переписка с центром, диспетчерские переговоры и ведение документации на транспорте, почтово-телеграфная корреспонденция за пределы республики, а также любая деловая и официальная коммуникация на территории воинских частей. Отметим, что в общероссийском Законе о языках нет специального упоминания о функции русского языка в армии.

Реальность в Калмыкии однако оказалась существенно иной по сравнению, например, с Венгрией или даже с Эстонией. При обсуждении в 1990 г. проекта Закона о языках приводились такие факты: «Мы при обучении калмыцкому языку исходили из того, что учащиеся владеют разговорным калмыцким языком. Поэтому составляли программы и учебники, считая, что все дети владеют калмыцким языком. На практике же оказалось, что основная масса школьников не знает родного языка... Основная масса калмыков – 59% – говорит и общается на русском языке» [4, с. 24]. «Ученики не знают ни одного калмыцкого слова, а их заставляют учить грамматику, правила, что вызывает лютую ненависть ученика к родному языку» [4, с. 32].

При явных различиях идеологических лозунгов всё происходящее напоминает языковую

политику 20-х и первой половины 30-х гг. Имеется, однако, серьёзное отличие. В прошлом такая политика либо целиком направлялась центром, либо при активной местной инициативе пользовалась целенаправленной поддержкой центра. Теперь же вся политика осуществляется непосредственно в республиках, обычно независимо друг от друга. Сейчас уже невозможно, например, ставить вопрос об унификации алфавитов, наоборот, как указывает К.М. Мусаев, разнобой только усиливается. О какой-либо политике российского центра говорить вообще не приходится. Вполне верны такие слова: «Создаётся впечатление, что руководство России не в полной мере осознаёт этнический компонент подоплёки конфликтов и противоречий в тех случаях, когда не слышно открытого звучания явно националистических лозунгов».

Сейчас, когда эйфория суверенизации прошла, всё более слышны голоса специалистов, считавших, что вся политика в языковой области оказалась неверной. М.В. Дьячков с сожалением отмечал: «Не допустили ли мы ошибки при разработке закона о языках, в которой принимал участие и автор, признав возможность провозглашения государственными фактически миноритарных языков, причём миноритарных не только в масштабах всей России, но и в масштабе данной республики? Не допустили ли мы ошибки также и при разработке закона об образовании, предоставив республикам в составе РФ излишне большую самостоятельность при определении объёма так называемого национально-республиканского компонента? И не приводит ли этот компонент в том виде, в котором он понимается сегодня федеральными органами образования, не к интеграции, а к дезинтеграции в рамках России?».

В большинстве национальных республик Российской Федерации пока что кириллица сохраняется. Исключение составляет Чечня, где стала использоваться латиница. На сегодняшний день латиница начинает внедряться и в Татарстане. В сентябре 1999 г. был принят закон о постепенном переводе татарского языка на латинский алфавит с 2001 по 2011 гг. Об этом решении известная французская учёная Э. Каррер д' Анкосс писала в газете «Фигаро»: «Безусловно, президент Татарстана Минтимер Шаймиев проявляет немалую политическую независимость... Конечная цель реформы, несомненно, политическая. Она сближает татар... с их братьями из независимых государств Центральной Азии и мусульманами Ближнего Востока (реально из них латинский алфавит принят лишь у турок). А главное – разрушает один из немно-

гих факторов единства Российской Федерации: использование одного и того же алфавита, что позволяет легко прибегать к русскому языку. Этот закон, вызывающий беспокойство сам по себе, может послужить примером для других народов, входящих в Федерацию» [1].

Как же осуществлялось языковое строительство в молодом Советском государстве?

Сразу после революции в основу языковой политики государства было положено стремление к удовлетворению потребности идентичности для всего населения. Речь шла о принципиально новой, не имевшей аналогов в мировой истории политике. Такую политику старались основывать на научных принципах. Цель её заключалась в том, чтобы каждый, независимо от национальной принадлежности, мог свободно пользоваться своим материнским языком и овладеть на нём высотами мировой культуры.

В первом советском правительстве был создан специальный Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), который возглавил И.В. Сталин. Уже в «Декларации прав народов России» от 15 ноября 1917 г. говорилось о равноправии наций, а 15 февраля 1918 г. декрет № 2 ВЦИК и СНК о суде устанавливал: «В судах всех инстанций допускается судоговорение на всех местных языках». В самый тяжёлый период гражданской войны 31 октября 1918 г. появилось постановление Наркомпроса «О школах национальных меньшинств». В том же году при Наркомнаце создали национальные комиссариаты, издававшие литературу на языках народов РСФСР. В 1919 г. на VIII съезде РКП(б) говорилось о необходимости создания единой трудовой школы с преподаванием на родном языке. Например, в Пензе уже в годы гражданской войны действовали татарские и мордовские школы и даже в Туркестане к 1922 г. появились школы на таких языках, как украинский, армянский, немецкий, идиш. Такая политика продолжалась и по окончании гражданской войны. В Татарии в 1921 г. приняли декрет ЦИК и Совнаркома «О введении татарского языка в делопроизводство советских учреждений республики», а в 1922 г. образована Центральная комиссия по введению татарского языка в делопроизводство как орган власти на правах отдела при Татцике. В 1924 г. правительство Татарской АССР разработало расписанный на пять лет вперёд «Перспективный план в области реализации татарского языка», где говорилось о «полном огосударствлении татарского языка в течение пяти лет» (Гари-

пов). Этот план исходил из необходимости официального двуязычия и предусматривал обучение не только русских татарскому языку, но татар русскому. Аналогичная политика велась с разной степенью интенсивности по всей территории РСФСР и других советских республик, затем СССР. Колебания в её проведении были лишь там, где существовали разные точки зрения на то, что считать языком той или иной национальности. Так было на Украине и в Белоруссии, поскольку многие коммунисты рассматривали украинский и белорусский языки как диалекты русского. В 1918 и 1919 гг. на территориях Украины, контролируемых советской властью, в основном шла русофикационная политика, и лишь в декабре 1919 г. был окончательно сделан выбор в пользу украинизации.

Безусловно, в основе такой политики лежали идеи В.И. Ленина, писавшего ещё в 1914 г.: «Что означает обязательный государственный язык? Это значит практически, что язык великороссов, составляющих меньшинство населения России, навязывается всему остальному населению России... Русские марксисты говорят, что необходимо отсутствие обязательного государственного языка при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках» [3, т. 24, с. 293, 294]. И далее: «Мы... хотим, чтобы между угнетёнными классами всех без исключения наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможности научиться великому русскому языку. Мы не хотим только одного: принудительности» [3, т. 24, с. 294–295]. И еще: «Потребности экономического оборота сами собой определяют тот язык данной страны, знать который большинству выгодно в интересах торговых сношений» [3, т. 23, с. 424].

В связи с этим следует особо остановиться на взглядах и высказываниях первого и единственного наркома по делам национальностей (после избрания И.В. Сталина Генеральным секретарём ЦК РКП(б) Наркомнац в 1923 г. был упразднён, а его функции переданы ЦИК СССР). И. В. Сталин ещё до революции был известен как специалист по национальному вопросу среди большевиков, автор брошюры «Марксизм и национальный вопрос».

В апреле 1918 г. он писал в связи с подготовкой Конституции РСФСР: «Никакого обязательного «государственного» языка – ни в судопроизводстве, ни в школе! Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соот-

ветствуют составу населения данной области, причём соблюдается полное равноправие языков как меньшинств, так и большинство во всех общественных и политических установлениях [5, т. 4, с. 70]. Далее: «Школа, суд, администрация, необходимые политические мероприятия, формы и способы проведения общих декретов применительно к национально-бытовым условиям, – всё это на родном, доступном для населения языке» [5, т. 4, с. 89]. Резко отрицательно он отзывался про «разговоры о преимуществах русской культуры и выдвигание положения о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов», считая, что это лишь «попытка закрепить господство великорусской национальности» [5, т. 5, с. 271]. В мае 1921 г. И.В. Сталин заявил: «Нельзя ограничиться одним лишь «национальным равноправием», необходимо от «национального равноправия» перейти к мерам фактического уравнивания национальностей» [5, т. 5, с. 59]. Однако уже два года спустя в докладе на XII съезде РКП(б) он вынужден был отойти от такой утопической точки зрения: «Я не говорю о фактическом равенстве, ибо установление фактического равенства между нациями, ушедшими вперёд, и нациями отсталыми – дело очень сложное, очень тяжёлое, требующее ряда лет. Я говорю тут о равенстве правовом» [5, т. 5, с. 242].

Несомненно, на И.В. Сталина и на других руководителей партии и государства влиял опыт Европы, где господствовала идея национальных государств, и как раз в те годы сразу несколько народов добились независимости. В заключительном слове на X съезде РКП(б) в 1921 г. И.В. Сталин говорил: «Я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская нация, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном для него языке. Такие же речи раздавались лет пять тому назад об Украине, об украинской нации. А недавно ещё говорилось, что украинская республика и украинская нация – выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская нация существует, и развитие её культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор ещё преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы. Лет сорок тому назад Рига представляла собой немецкий город, но так как города

растут за счёт деревень, то теперь Рига – чисто латышский город. Лет пятьдесят тому назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризованы. То же самое будет и с Белоруссией, в городах которой всё ещё преобладают небелорусы» [5, т. 5, с. 48–49].

Есть у наркома по делам национальностей и чисто прагматический подход: «Для того, чтобы Советская власть стала и для национального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт. Только тогда, и только постольку Советская власть, являющаяся до последнего времени властью русской, станет властью не только русской, но и интернациональной, родной для крестьян и средних слоёв ранее угнетённых национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке» [5, т. 5, с. 241].

Прагматизм подобного рода не даёт оснований говорить о том, что всё советское руководство тех лет, включая и В.И. Ленина, с самого начала стремилось к поголовной русификации и к искоренению всех прочих языков, как это делают некоторые западные авторы (см. 7), а теперь вслед за ними и многие публицисты в государствах, образованных на территории СССР. Однако никаких данных о каких-либо «секретных планах» подобного рода не имеется. Здесь просто производится экстраполяция политики одной исторической эпохи на другое время, часто в спекулятивных целях.

Таким образом, существовала достаточно чёткая и целенаправленная политика, соответствовавшая господствующему общественному сознанию тех лет. Даже в целом недоброжелательная к коммунистам западная исследовательница Марго Лайт признаёт, что среди русских революционных партий лишь большевики имели программу действий по отношению к меньшинствам [см.: 8].

Показательно высказывание выдающегося лингвиста и теоретика евразийства Н.С. Трубецкого, жившего в Вене. Отвергая в целом коммунистические идеи, он тем не менее писал в 1925 г.: «Во внутренней политике следует отметить отказ от русификаторства, органически чуждого исторической стихии России... Признание национальных прав всех народов, входивших в состав России-Евразии, предоставление каждому из них самой широкой автономии при сохранении единства государ-

ственного целого вполне соответствует правильному взгляду на историческую сущность русской государственности» [6, с. 68].

Для развития языков нужна была целенаправленная деятельность, получившая название языкового строительства. Развернулась работа, масштабы которой не имели прецедентов в мире. Как уже говорилось, языковое строительство поначалу шло в каждой из республик и автономий самостоятельно, на основе местных инициатив. Это вело к разному, дублированию работы и неравномерному её развитию. После окончания гражданской войны и преодоления разрухи встал вопрос о едином координирующем органе с широкими полномочиями. В 1925 г. в Баку был основан Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА). Во главе его стал председатель ЦИК Азербайджана Самед Ага Агамалиоглы. В 1930 г. после его смерти комитет был переведён в Москву.

Масштабная работа по языковому строительству была частью общей национально-культурной политики в стране. Хотя эта политика формулировалась в иных терминах, но объективно её сутью была ускоренная европеизация народов СССР.

Несмотря на недостатки в языковом строительстве сегодняшней России, можно с уверенностью говорить, что русский язык при любой ситуации сохранит исключительное применение в таких сферах, как естественнотехнические науки, соответствующие виды высшего, среднего специального и профессионально-технического образования, информатики, наукоёмкие отрасли производства и пр., где применение национальных государственных языков нереально в настоящем и обозримом будущем.

Список литературы

1. Глобус. Бюллетень ИТАР-ТАСС. 1990. №50.
2. Дьячков М.В. Социальная роль языков в многоэтнических обществах. М., 1993.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. М.: Госполитиздат, 1958–1965.
4. Проблемы возрождения калмыцкого языка. Элиста, 1992.
5. Сталин И. В. Собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1946–1952.
6. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1991 № 4.
7. Goodmann E.R. World State and World Language // Readings in the Sociology of Language. The Hague. Paris, 1968.
8. Light M. Russia and Transcaucasian Boundaries. London, 1996.

LANGUAGE CONSTRUCTION – LINGUACULTURAL SPACE

V.G. Maslov

In article it is analyzed problems of language construction in the USSR, in postsoviet the period, in Russia after disintegration of Soviet Union, in the CIS countries.

Keywords: linguacultural space, bilingualism, multilingualism, majority, ethnocratic, Eurasian.